

КУРЬЕРЪ

Статьи и корреспонденции, при-
сланные для помѣщенія въ газету
должны быть за подписью и съ ад-
ресомъ автора, безъ чего они печа-
таться не будутъ. Въ случаѣ надоб-
ности, редакція исправляетъ и со-
кращаетъ статьи. Рукописи, при-
знанныя редакціей неудобными къ
печатанію, не возвращаются.

Статьи безъ обозначенія условій
считаются бесплатными.

Редакція открыта для объясненій
ежедневно, кромѣ праздниковъ отъ
12/1—3 час. дня. Контора откр. съ 8
час. утра до 8 час. вечера, по празд-
ничнымъ днямъ—съ 9 час. утра до
1 часу дня.

За разсылку приложеній по 5 р.
съ тысячи.

За перемѣну адреса городского
на иногородній—30 коп.

Подписка цѣна съ доставкой и
пересылкой на годъ—6 р., на 6 мѣс.
—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—2 р., на 1
мѣс.—75 коп.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ
допускается разсрочка платежа три
раза: 2 р. 1 Мар. 2 р. и 1 разъ 2 р.

Подписка отъ иногороднихъ при-
нимается только съ 1-го числа кажда-
го мѣсяца; подписка отъ город-
скихъ подписчиковъ принимается съ
1 и 15 числа каждаго мѣсяца.

Объявленія принимаются на время
для иногороднихъ впередъ текста на
строку текста—20 коп., за каждый разъ
по 10 к. на строчку.

Для городскихъ впередъ текста
на строку текста—15 коп., за каждый
текста по 10 коп. на строчку.

Если объявленіе будетъ вставлено на ка-
ждое объявленіе впередъ текста по 8
строкъ по 20 коп. на каждый разъ.

Адресъ конторы и редакціи: Екатеринодаръ, Красная ул., № 61, Типографія „ОСНОВА“, телефонъ № 48.
Ежедневная общественно-политическая и литературная газета

состоятельными иллюстрированными приложеніями.

Цѣна отдѣльнаго №—5 к.

Литературныя замѣтки.

Корнѣй Чуковский. «Чеховъ и христіанство».

Когда писателю случится умереть да еще если подойдет какой нибудь его юбилей, принято, чтобы живые его собраты начинали писать свои о немъ воспоминанія и разрѣшать вопросы, связанные съ нравственной личностью покойнаго или его міровоззрѣніемъ.

А. П. Чеховъ... До тѣхъ поръ, пока онъ былъ живъ, никто, кажется, не интересовался, религиозенъ ли онъ и какъ относится къ христіанству. Друзья покойнаго, любившіе его по-человѣчеству, знаютъ, какъ отвѣтить на эти вопросы и могли бы съ исчерпывающею полнотой освѣтить эту сторону личности Чехова.

Но дѣло совсѣмъ не въ этомъ. „На все свои законы есть“... И въ данномъ случаѣ установившійся обычай повелѣваетъ, чтобы не просто дали отвѣтъ на поставленный вопросъ люди, знавшіе близко Чехова; надо, говорить этотъ законъ, чтобы за эту работу взялся человѣкъ, не знавшій Чехова и чтобы онъ обосновалъ вопросъ „документально“.

Дѣлается это чрезвычайно просто: берутся отдѣльные мѣста изъ произведеній писателя, его переписки и изъ воспоминаній о немъ другихъ, все это склеивается при помощи зуметіковъ, кое-что прибавляется отъ себя и... готовъ отвѣтъ на вопросъ хотя бы о томъ, былъ ли религиозенъ Чеховъ!

Корнѣй Чуковский именно по такому рецепту разрѣшилъ вопросъ, какое отношеніе имѣлъ Чеховъ къ христіанству.

Взявъ для себя тему, „Чеховъ и христіанство“, г. Чуковский разработалъ ее такъ: сначала разсказалъ анекдотъ, какъ, однажды, Чеховъ въ отвѣтъ на нудныя разсужденія Д. С. Мережковского объ Антихристѣ, Богѣ и Чертѣ посоветовалъ ему поѣхать селянки въ Москвѣ у Твистова.

Сдѣлавъ отсюда выводъ о кажемся религиозномъ индифферентизмѣ Чехова (хотя этого, по крайней мѣрѣ, на основаніи приведеннаго анекдота, заключить нельзя), г. Чуковский опровергаетъ имъ же самымъ выведенный доводъ. Опровергаетъ очень просто...

К Чуковский говоритъ о впечатлѣніи, производимомъ произведеніями Чехова: кажется, будто тебя простили, будто все стало новымъ, такимъ хорошимъ и яснымъ. Рядомъ цитаты изъ произведеній Чехова г. Чуковский идетъ къ тому, чтобы сдѣлать выводъ о „Чеховѣ и христіанствѣ“, но выводъ, самъ собою напрашивающійся, получается тотъ, что Чеховъ былъ большой писатель, тонко знавшій человѣческую душу и умѣвшій изображать ее изгибы.

Чеховъ навѣваетъ „радость грустную и молитвенную“ и въ то же время вы чувствуете, что „все не такъ, не то, нѣтъ ни одного желанія, которое хотя бы въ шутку исполнилось; у каждой вещи, у каждого дѣла свое но, какъ дьявола печать, и отъ этого никуда не уйти никому“... „Чеховъ только и дѣлалъ, что горько высматривалъ, гдѣ бы побольше найти такихъ

обманутыхъ, обвинявшихъ и типизовъ своего лиризма и шалъ къ нимъ не жалость, не страданіе, а восторгъ передъ влюбленностью—такую, что Чехова только ихъ и любила, ко къ нимъ и идешь“... „Чеховъ гу Чеховъ не только жаль всѣхъ рабававшихъ людей, но молиться на нихъ и довать имъ, и вѣрить, что въ нихъ только въ нихъ вся красота и изящество жизни“... „Довѣ, все не такъ, все не то, гдѣ глупыя ненужныя слезы, превратилъ въ слезы“.

Все это, конечно, прекрасно. Видна искренняя любовь къ Чехову даже идеализированная. Но... гдѣ же здѣсь „христіанство“ о которомъ обѣщались говорить? Чуковский? Если Чеховъ такой изъ что можетъ совершенно измѣнить взгляды своихъ читателей на жизнь, если его произведенія заставляютъ и надолго въ насъ вѣнать ихъ вѣнчаніемъ, то... гдѣ это его можно назвать вѣнчаніемъ? Имени именами, вплоть до... снѣжности—до Бога; но христіанство во всемъ томъ, что говоритъ Чуковский, нѣтъ никакого слѣда.

Конечно, Чеховъ не „христіанъ“ какъ и некоторые наши современники онъ не социалистъ въ томъ смыслѣ какъ Максимъ Горькій; онъ не христіанской эрѣ и, имѣетъ на себѣ ея отблескъ. Но гдѣ же все-таки отвѣтъ на поставленный вопросъ: „Чеховъ христіанство“? Этому отвѣту нѣтъ

У. Розановъ